

Посвящается
А.А. Пинскому

ИТОГИ ГОДА В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Круглый стол, 20 июня 2007 г., Москва

Вопросы для обсуждения:

- какие изменения произошли в российском школьном образовании за прошедший учебный год;
- какие тенденции можно обнаружить в этих изменениях;
- какие новые проблемы «высветились» в образовании;
- каких изменений можно ожидать в следующем учебном году.

Участники

Абанкина Ирина Всеволодовна — заместитель директора Института развития образования ГУ ВШЭ

Абанкина Татьяна Всеволодовна — директор Центра прикладных экономических исследований и разработок ИРО ГУ ВШЭ

Абатурова Валентина Владимировна — заместитель директора Центра АПКПРО, заместитель главного редактора журнала «Профильная школа»

Блинов Владимир Игоревич — заместитель директора по научной работе Института общего образования

Болотов Виктор Александрович — руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки

Бунимович Евгений Абрамович — депутат Московской городской думы

Волков Сергей Владимирович — заместитель директора по научно-методической работе средней общеобразовательной школы № 57 г. Москвы

Дашковская Ольга — корреспондент газеты «1 сентября»

Загвоздкин Владимир Константинович — научный сотрудник Института теории образования и педагогики РАО

Каспржак Алексей Анатольевич — заместитель руководителя департамента образования Тверской области

Кириллова Светлана Генриховна — ведущий специалист Центра АПКПРО

Князев Евгений Анатольевич — заместитель начальника Управления учреждений образования Федерального агентства по образованию

Кузьминов Ярослав Иванович — ректор ГУ ВШЭ, главный редактор журнала «Вопросы образования»

Ленская Елена Анатольевна — заместитель директора Британского совета по вопросам образования и преподавания английского языка

Любимов Лев Львович — заместитель научного руководителя ГУ ВШЭ

Мельчугова Мария Петровна — заместитель директора средней общеобразовательной школы № 1060 г. Москвы

Митрофанов Кирилл Германович — заведующий кафедрой теории и методики преподавания истории МГПУ

Мейксон Павел Григорьевич — специалист по информационному сопровождению проектов

Новикова Татьяна Геннадьевна — заведующая кафедрой развития образовательных систем АПКПРО

Осовецкая Нина Яковлевна — заместитель директора Центра прикладных экономических исследований и разработок ИРО ГУ ВШЭ

Парсаданова Маргарита Григорьевна — учитель средней общеобразовательной школы № 1060 г. Москвы

Пинская Анна Анатольевна — директор «Еврокласса»

Пинская Марина Александровна — заместитель директора средней общеобразовательной школы № 1060 г. Москвы

Реморенко Игорь Михайлович — заместитель директора Департамента государственной политики в образовании Минобрнауки России

Рудник Борис Львович — проректор ГУ ВШЭ, директор Института развития образования

Смирнова Марина Юрьевна — учитель средней общеобразовательной школы № 1060 г. Москвы

Случ Галина Викторовна — учитель средней общеобразовательной школы № 1060 г. Москвы

Случ Михаил Ильич — директор средней общеобразовательной школы № 1060 г. Москвы

Филиппов Владимир Михайлович — ректор Российского университета дружбы народов

Фрумин Исаак Давидович — координатор проектов по образованию Всемирного банка, заместитель главного редактора журнала «Вопросы образования»

Шимутина Елена Николаевна — заместитель директора по информационным технологиям Центра образования «Царицыно» № 548

Шадриков Владимир Дмитриевич — директор Института содержания образования ГУ ВШЭ

Якобсон Лев Ильич — первый проректор ГУ ВШЭ

Ведущий — И.Д. Фрумин

И.Д. Фрумин

Спасибо всем, кто пришел сегодня. Вчера исполнился 51 год со дня рождения Анатолия Аркадьевича Пинского. Мы думали, как нам вспомнить нашего товарища в этот день, и все вместе решили, что нужно проводить не мемориальное мероприятие с воспоминаниями и т.п. — это все хорошо, но Анатолий Аркадьевич был

человек дела, очень горячий, увлеченный, и поэтому было бы естественно, если бы в память о нем мы просто поговорили бы о его деле. Его делом было развитие школы, он и возглавлял в ГУ ВШЭ центр социально-экономического развития школы. И поэтому мы решили, что раз уж так получилось, что сейчас конец учебного года, то лучше всего заняться тем, чем очень любил заниматься Анатолий Аркадьевич, а именно поговорить о том, как идут дела, о том, что получается, что не получается, — вот такие содержательные дискуссии по актуальным вопросам развития школьного образования, мне кажется, являются лучшей памятью об этом человеке. Поэтому большое спасибо всем, кто с этой идеей согласился и пришел сюда. Мы хотим попробовать сделать так, чтобы эта встреча стала не только Круглым столом ГУ ВШЭ, но Круглым столом образовательного сообщества. Может быть, если разговор получится, мы сможем провести такой Круглый стол и в следующем году и сделать его ежегодным — встретиться, поговорить, подумать.

Предлагаем построить разговор сегодня следующим образом. Мы пригласили нескольких «фигурантов» развития образования, людей, которые с разных точек зрения могут на него посмотреть, чтобы они дали как бы «затравку» дискуссии. Предполагаем, что они у нас получат 5—7 минут для выступлений, им можно будет задать вопросы по уточнению, но давайте не будем устраивать сразу развернутую дискуссию, потом все присутствующие смогут высказываться. Нет возражений против такой организации нашего Круглого стола?

Предварительно мы поставили следующие вопросы. Один вопрос фактический: какие, с вашей точки зрения, изменения произошли в российском школьном образовании за прошедший учебный год? Затем вопросы уже более аналитические: какие тенденции высвечиваются за этими изменениями и какие новые проблемы возникли в образовании? Ну, и последний вопрос прогностический: на основании того, что мы видим — каких изменений, новых феноменов можно ожидать в следующем учебном году? Если нет больше комментариев, предложений по ходу нашего разговора, тогда начнем. И начнем, наверное, с Председателя соответствующей комиссии Общественной палаты? Начнем с гражданского общества или с Министерства?

Я.И. Кузьминов

Ну, если я тут представляю гражданское общество... По-моему каждый, кто сидит в этом зале, может в равной степени со мной претендовать на его представительство — это как бы черта гражданского общества. Что ж, пожалуйста, если вы мне доверяете, и если коллеги из исполнительной власти не будут претендовать, я могу сказать несколько слов.

Во-первых, я хотел бы со своей стороны высказать признательность вам, что вы сюда собрались, собрались для того, чтобы делом почтить память Анатолия Пинского. Нам его очень не хватает, я считаю, что уход Пинского — это очень большая энергетическая потеря для российского образования. Нам следует эту утрату ком-

пенсировать тем, чтобы, собираясь, не грустить, а пытаться работать.

По вопросам повестки дня я сказал бы так. Мне кажется, что сегодня происходят изменения в образовании, которые отражают несколько крупных явлений. Во-первых, на образовании сказывается изменение нашего общества. Российское общество достаточно быстро богатеет, достаточно быстро становится на ноги, и его состояние, его социальная структура за те годы, когда Путин является Президентом, — ну, может, чуть раньше это начиналось, примерно с примаковского времени, когда у нас позитивный тренд возник, — они очень сильно изменились. Доля людей с доходом ниже прожиточного минимума сократилась практически в 2 раза, и у нас есть прямое основание полагать, что она сократится еще в 2 раза и будет равной по любым измерениям тем, которые характеризуют развитые страны. Это, судя по всему, к 2010—2011 гг. уже совершится. Восстановление экономического потенциала многих семей — это, конечно главный фактор, который отражается на школе, отражается на системе образования. Пусть мы и не сразу это замечаем. Что это значит? В первую очередь у нас меняются установки. Вместо однозначной установки на зарабатывание денег любыми способами, неприятной, но вполне объяснимой, с которой мы сталкивались в 1990-х гг. и в начале этого десятилетия, все в большей степени появляется и крепнет установка на уважаемую в обществе профессию, на занятие интересным делом, на просто нормальную культурную жизнь, которую должен вести, безусловно, образованный человек. И я думаю, что вот такой спрос со стороны семей на другое будущее, другие горизонты для себя и своих детей — это главный фон происходящих в школе изменений, даже в тех случаях, когда мы его слабо улавливаем в каких-то регионах или пока не можем уловить вообще, потому что это — мотивация школьников. Мотивация школьников на успех через образование, я думаю, восстанавливается и будет восстанавливаться по чисто объективным причинам, в силу выхода из чрезвычайной ситуации, которой для большинства российских семей, даже если они не бедствовали, были 1990-е гг.

Второе — это проблема качества учителей. К сожалению, с качеством учителей позитивных изменений не произошло. Несмотря на то что Национальный проект имеет здесь правильную, на мой взгляд, идеологию — это идеология восстановления профессионального соревнования, профессионального сообщества, выделение лучших именно в профессиональной сфере, а не в зарабатывании денег, — пока это не отразилось на учительской массе и в силу того, что период с начала Национального проекта слишком короток, и в силу того, что инструменты, предложенные властью учительскому сообществу, недостаточны. Чтобы мотивировать тех коллег, которые могут быть мотивированы, поднять качество своей работы, оживиться, увидеть новые горизонты, они, эти инструменты, явно недостаточны.

Следующий момент — это состояние профессионального общества, прямо связанное с качеством учителей. Опять же мы не видим, к сожалению, позитивных изменений в уровне организации профессионального сообщества. Мы много об этом говорим. Общественная палата, в частности, неоднократно выступала с такого рода идеями и предложениями, но состояние профессионального сообщества пока определяется крайней его разорванностью, отсутствием у школы и у преподавателей школы свободных ресурсов для налаживания устойчивых профессиональных коммуникаций, свободного времени для этого, поскольку социально-экономическое положение учителя, к сожалению, не изменилось относительно других групп общества. К сожалению, учителя находятся в том же положении, в котором находились в 1990-е гг., — это порядка 60—70% от средней заработной платы по экономике. С учетом того, что учителя — люди на 90% с высшим образованием, а по экономике в целом таковых людей всего 35%, вы можете видеть, что разрыв этот очень большой — не в 30%, а где-то в 2 раза с работающими людьми и с востребованными людьми с высшим образованием. Поэтому здесь, к сожалению, продолжают, как мне кажется, те негативные тенденции, которые мы отмечали в последние годы. В первую очередь, это вырождение профессионализма, ориентация на быстрый результат и на заработок, потеря ценностных установок в учительской работе, которые охватывают все большую и большую долю учителей. Напомню, что на сегодняшний день самые слабые выпускники в когорте ориентированных на получение высшего образования идут в педвузы, и из них наиболее слабая треть идет потом в школу. Вот такой двойной неблагоприятный отбор, он не преодолен, он продолжается, и мы последствия этого отбора будем ощущать еще минимум 10—15 лет, потому что речь идет о долгосрочных инвестициях общества в будущее. Качество этих инвестиций сегодня очень плохое.

Следующий вопрос — это стратегии школы. Стратегии школы в этих условиях начинают определяться единственной — пожалуй, несколькими, неправильно я вам сказал, что единственной, — несколькими новациями в политике, которые сегодня предлагает государство. Первая самая крупная новация — это единый государственный экзамен. Столкновение школы с системой относительно независимых, на два порядка более независимых, чем раньше, оценок качества ее работы, с одной стороны, дает возможность сопоставить результаты работы разных школ и выставить некоторую систему гамбургского счета, что, безусловно, должно коллективы школ заставить между собой соревноваться. Я бы добавил сюда еще такого рода обстоятельство: у нас будет идти до 2013 г. спад учащихся старших классов, и это обострит еще сильнее дефицит учащихся, особенно в городах — в селах мы как бы живем с этим дефицитом, но зато ни с кем не соревнуемся, — и в общем усилит то воздействие, создание конкурентной среды, которое принес с собой ЕГЭ. С другой стороны, школа недостаточно мотиви-

рована на то, чтобы готовить лучших, чтобы сопоставлять свои результаты с результатами других не по среднему баллу ЕГЭ, а по группе наиболее высоких оценок — я уже не говорю о группе тех выпускников, которые стали победителями предметных олимпиад и конкурсов, т.е. школы в очень малой степени ориентированы на качество выпуска. В этих условиях есть весьма большая опасность, что школа начнет формальным образом воспринимать сигналы ЕГЭ и попытается подладиться под эти формальные требования, опять же превратив последние выпускные классы в натаскивание по ответам на тесты, на первую и вторую часть ЕГЭ, которые дают наибольший вес в сопоставлении по средней оценке. Это нехорошая тенденция, я думаю, что нам надо заранее ее видеть. Что в этом отношении надо делать Государственной Думе, совершенно понятно. Нужно устраивать некоторую национальную систему оценки качества школы, по крайней мере по двум параметрам, один из которых — это средняя оценка, а другой — это лучшие достижения, и нужно развивать систему национальных олимпиад и конкурсов, для того чтобы стимулировать и школьников, и сами школы работать с теми, кто мотивирован заниматься больше.

Последняя проблема, на которой я хотел бы остановиться, — это проблема учебников. Школа сегодня имеет, как я уже сказал, довольно большие проблемы с качеством кадрового состава, и это значит, что она трагически сильно зависит от качества учебников. Примерно 70—80% школ будут ориентироваться на учебник, а не на сопредельную доступную литературу, т.е. идти по простейшему пути. И в этом отношении качество учебников есть болезненная проблема, которая на сегодняшний день не решена. Не решена она и в отношении социальных наук, где качество самих курсов безумное, оно унаследовано в школе от советского обществоведения, не решена в отношении истории, где существуют противоположные и невзвешенные оценки тех или иных исторических событий — оценки, которые не могут дать ответ на волнующие людей проблемы соотношения тех или иных фактов, оценки деятельности тех или иных наций в определенные периоды истории, которые в конечном счете могут сыграть негативную роль в обострении этноконфессиональных конфликтов. С другой стороны, есть проблема просто неудачных учебников, которые тем не менее пробились и утвердились на рынке из чисто коммерческих соображений, и я пока не вижу, чтобы Министерство занимало активную позицию в организации публичного обсуждения этих проблем и замене плохих учебников хорошими. Вот, пожалуй, все, что я хотел сказать. Я еще раз вас благодарю за то, что вы сегодня сюда пришли.

И.Д. Фрумин

Кстати, по поводу учебников. Сейчас как раз идет совещание по выработке лучшего учебника истории, лучшего и правильного... Нет вопросов для уточнения, для конкретизации? У меня один есть на уточнение, если можно. Вот Вы говорили про рост мотивации. С моей точки зрения, это вообще ключевой вопрос, потому что

сами школьники, их мотивация — это ключевой ресурс повышения качества образования. А есть ли данные какие-то об этом или это просто такое логическое суждение?

Я.И. Кузьминов

Ну, во-первых, есть многочисленные данные из истории других стран, которые показывают, что мотивация учащихся растет с ростом благосостояния их семей, во-вторых, к этому мы можем добавить наблюдения ГУ ВШЭ за последние три года. Мы видим сегодня радикальные для нас изменения, например появление большой группы семей и учащихся, ориентированных на академическую науку, на такие предметы, как философия. Вы знаете, что у нас конкурс большой на философский, чего невозможно было представить, когда мы вообще затевали этот факультет. И по общению с абитуриентами можно увидеть, что контингент довольно серьезно изменился в этом отношении. Я говорил с рядом коллег в разных регионах России — в Томске, Красноярске, Санкт-Петербурге в этом году, — поскольку меня заинтересовала эта тенденция, и в общем, в большинстве своем мои коллеги отмечают, что они могут наблюдать, хотя и в более слабой форме, те же самые тенденции.

И.Д. Фрумин

Спасибо. Это очень интересно, поскольку при росте спроса на качество снижение получается из-за того, что нет учителей, предложения. Возникает интересный разрыв такой. Вот Виктор Александрович Болотов решил добровольно вступить...

В.А. Болотов

Уважаемые коллеги, по мотивации школьников, я бы сказал, что все равно все по Гауссу — нормальное распределение. Есть хвост, который не мотивирован абсолютно, середина — ни шатко ни валко, есть голова, которая всегда была. Но сдвиг идет в лучшую сторону. В частности, по моим разговорам в регионах, введение независимой системы оценки, единого экзамена в старшей школе и 9-х классах, для сильных и для средних — это мотивация. Поэтому на самом деле мотивация увеличилась. Я никогда не связывал это с экономическим уровнем жизни, но вот с независимой оценкой — да, это повлияло. В регионах, которые два-три года поработали по независимой оценке в 9-х классах, учителя отмечали: ребяташки, понимая, что будут сдавать чужим, начинают, кто хочет и может, заниматься. Кстати, то же по разным странам: введение независимой системы оценивания всегда стимулирует среднюю и сильную часть учеников на более серьезное отношение к занятиям. Поэтому такая тенденция есть. Более того, появилась конкурентность, особенно в регионах с нормативно-подушевым финансированием, где ввели его не на бумаге, а на деле — появилась конкуренция между школами. И для родителей в старшей школе это один из критериев: а как сдали у вас единый экзамен? Раньше сарафанное радио было: вот эта школа хорошая, а ведь иногда это от искусства имиджмейкера школы зависит. То есть

конкуренция школ, введение нормативно-подушевого финансирования и результат единого экзамена как один из критериев для родителей. И в связи с этим сильные школы стали обсуждать проблемы управления качеством образования.

Кстати, пытаются создавать рейтинги школ по ЕГЭ. Вот идея, против которой Министерство выступало и Служба выступала. И тем не менее не преувеличиваю: в нашем регионе на первом месте школа номер такой-то, там средний балл 67, высокий средний балл; на втором — 65 и т.д. Рейтинг опубликован, висит на стенке. Начинаю разбираться. В первой школе сдавал один ученик этот предмет, а во второй школе — 20 человек. Бессмысленный рейтинг. Еще одна практика управленцев: первой десятке, ну 10% первой десятки — благодарность, школе — подарок, премия и т.д., последним — ставят вопрос о наказании. Абсолютно нелепый сюжет. Поэтому очень большой интерес регионов, муниципалитетов и школ вызывает вопрос управления качеством: когда ЕГЭ всего лишь один из датчиков, какие еще датчики нужно включать? Социализация и здоровье — вот то, что можно измерить. Безусловно, учет населения и пр.

Чего не хватает сегодня. Школа не потянет проектирования шага развития, просто не хватит мощности. Это непростая задача — спроектировать шаг развития. Не хватает сервиса, инфраструктуры, которые могли бы помогать школам проектировать шаг развития, тем более, школа школе рознь: одно дело — сельская школа, там в одном шаг развития, другое дело — школа в мегаполисе. Я думаю, что отчасти в рамках национальных проектов это будет решаться

Второе. Я бы обозначил по своему функционалу принципиальные изменения, которые прошли в законах этого года. Это, может быть, сейчас не очень интересно школьникам, но они будут жертвами этих законов через некоторое время. Первая ситуация — 258-й Федеральный закон, который поручил создавать в регионах надзорные органы. В чем проблема? Мы стали проверять регионы: где есть инспектора? В трети регионов они есть, во всех остальных это будет 25-я дополнительная функция сотрудника, который занимается кучей других проблем. Второй момент. Федерация взяла на себя надзорные функции, делегировала их субъектам федерации, но при этом взяла на себя контроль. Это, кстати, не только в образовании, это общая тенденция, когда надзорные сюжеты федерация оставляет за собой и либо прямо, либо через делегирование контролирует выполнение этих полномочий. Развитие 258-го закона сейчас идет, идет уточнение функций муниципалов, регионалов и федералов. Вообще, коллеги, создание отдельных надзорных служб — очень непростой вопрос. Я постоянно разговариваю с вице-губернаторами по этому поводу, вчера у меня был томский вице-губернатор, он говорит: а это не будет еще один Санпожнадзор над школой? Вообще, опасность серьезная, поэтому тут надо как раз гражданскому обществу в вашем лице внима-

тельно следить за поползновениями чиновников создать еще один Санпожнадзор.

В этом плане что мы делаем в Службе? Сейчас как раз мы измеряем ситуацию и обсуждаем шаг развития вуза. У нас два направления по высшей школе: проверка — неважно, при лицензировании, при инспектировании, при аккредитации — и параллельный шаг — обсуждение. Для вузов это звучит как менеджмент качества в данном вузе, т.е. мы сразу начинаем его обсуждать. А как, исходя из внешней оценки, можно проектировать шаг развития? На мой взгляд, надзорные органы в субъектах федерации должны не просто фиксировать состояние дел, а обсуждать шаг развития. Я бы на этом закончил.

И.Д. Фрумин

Спасибо, Виктор Александрович. Я, честно говоря, ожидал, что Вы приведете какие-нибудь данные об изменениях, связанных с ЕГЭ.

В.А. Болотов

Два слова скажу: принципиальных изменений не произошло, коллеги. Двоек по математике было 20% и осталось, плюс-минус 1%. Дальше. Юг России показывает хуже среднероссийских результаты по русскому языку и по математике, по русскому языку в ряде республик просто 25% двоек. Это реальная картина. Выросло в этом году число «стобалльников» по русскому языку, почти 800 человек, из них 150 — в Москве. Все работы «стобалльников» перепроверяются на федеральном уровне, там есть нюансы в критериях оценивания части С, но это отдельный разговор. В принципе это хорошие работы. Цибулько, председатель комиссии, была просто счастлива, говорит: все эти работы можно публиковать как образцы, тем более это же короткая форма — 250 слов.

В этом году 0,16% было по России «стобалльников». Увеличение в 1,5 раза.

И.Д. Фрумин

Мы специально пригласили к участию в Круглом столе представителей регионального управления образованием, и я бы попросил выступить Алексея Анатольевича Каспржак, первого заместителя руководителя Департамента образования Тверской области. С точки зрения региона как выглядят изменения, которые произошли?

А.А. Каспржак

Спасибо. Я буду говорить о том важном деле, которое было, наверно, последним детищем Анатолия Аркадьевича Пинского, — это комплексные проекты модернизации. Без него их, наверно, не было бы. Мне кажется, что в самом наличии сегодня такого проекта на федеральном уровне при большом участии в нем регионов заключается главное изменение. В чем, с моей точки зрения, состоят принципиальные изменения? Мне кажется, что за последнее время по большому комплексу вопросов федерация заявила свою точку зрения и выдала ее в качестве достаточно смелого утверж-

дения. Ну, к примеру, сейчас по сравнению с прошлыми годами стало яснее, что с малокомплектными школами нужно что-то делать. Позиция регионов, которые сегодня говорят, что будут пестовать даже самую маленькую, самую несчастную, но очень уютную и очень близкую к дому школу, становится, скажем так, не очень понятной. Это начинают понимать не только система образования, но и родители, и дети. Это позиция, которая заявлена, очень важно, что она есть. Федерация, или люди, которые делали этот проект, попытались четко определить выгодополучателя в системе образования. Весь проект, по большому счету, можно развернуть с точки зрения учета мнения и с точки зрения участия ребенка или его родителей в управлении образованием. Например, только что было сказано о мотивации. Ресурс мотивации учащегося здесь, безусловно, используется — хватило бы его, этого ресурса, и везде бы он был. С нормативным финансированием человеку дается право выбирать, и он обособляется как потребитель услуги. Его привлекают к оценке деятельности учителя — ребенка ли, родителей ли, либо всех вместе — это тоже крайне важно. Заявлено как позиция, что условия в школе должны быть, во-первых, уважительными для всех, а во-вторых, они должны иметь тенденцию к выравниванию, потому что все-таки мы забываем о той функции социального перемешивания, которая реализуется реально и должна реализовываться в школе. И безусловно, этот выгодополучатель, этот ребенок, должен обладать информацией о том, как устроена система образования, как она работает.

Какие проблемы? Мне кажется, что проблемы порождены, собственно говоря, названием. Три первых слова мне кажутся ключевыми, и из них вытекают ключевые проблемы реализации этого проекта, которые хорошо бы сегодня уже понимать и пытаться каким-то образом обходить риски. Первая проблема заключается в слове «проект». Это не программа, это проект, и возникает сложность, о ней говорил чуть-чуть Виктор Александрович Болотов в части сервиса, институтов, в части того, что сталкиваются такие позиции, как менеджмент и администрирование на уровне реализации этого проекта. Понятно, что административная структура из этого проекта ничего не сделает, а структуры менеджмента на региональном уровне, к сожалению, очень длительное время формируются и не получается у них быть отдельными, не обрастают они сервисом, который помог бы в реализации этого проекта. Поэтому основная проблема заключается в противоречии менеджмента и администрирования в реализации проекта. Собственно говоря, реализация всех национальных проектов по ряду направлений с этим же вопросом серьезнейшим образом сталкивается и очень часто превращается, к сожалению, в эту самую административную отчетную деятельность.

Вторая проблема обозначена первым словом этого названия — «комплексный». Надо сказать, что я не знаю — может, я плохо изучал историю модернизации российской школы, — чтобы вот

так в одном проекте было упаковано несколько задач. Их можно было бы разделить, как раньше это делалось иногда, по регионам — одни отработывают один аспект, другие отработывают другой, третьи — третий. Здесь они скомпонованы и объединены вроде бы в некую увязанную концепцию. Но дело в том, что проблемы как раз на стыках этих направлений, т.е. в том, что необходимо идти по всем направлениям одновременно. Ну, простой пример: когда мы говорим о введении новой системы оплаты труда, надо понимать, что эта система оплаты труда должна приходиться в образовательную сеть, которая может использовать ее преимущества. А если мы будем просто вводить любую новую систему оплаты труда, то мы можем, к сожалению, испортить вещи, связанные с реструктуризацией, с нормативным финансированием и, собственно говоря, заморозить изменения, которые происходят сегодня. К сожалению, на входе в проект мы не обладаем еще инструментарием увязки этих направлений, и в связи с этим могут возникнуть серьезные проблемы. Опять же плюс административное давление, и все может выродиться в имитационную деятельность.

Проблема третья заключается в слове «модернизация» с учетом динамики, скорости, времени реализации этих направлений. Она тоже существует. К сожалению, у нас всегда так: вот с завтрашнего дня переходим на нормативное финансирование, или завтра у нас будет новая реструктуризованная образовательная сеть, или завтра у нас начнется общественно-государственное управление школой, которого сегодня нет. Опять же это административный взгляд. Мы с трудом пока справляемся с выстраиванием некоторой стратегии и тактики реализации каждого из направлений, этой динамической модели. Это может привести к тому, что будут получены хорошие отчетные данные, но не будет глубины изменений в процессах. Выгодополучатель может в конечном счете таковым не стать. Собственно говоря, все.

И.Д. Фрумин

А как насчет Тверской области? Я прошу прощения за такой провокационный вопрос, но разве все изменения в Тверской области свелись к тому, что вы выиграли в национальном проекте, и теперь у вас большие ожидания от этого национального проекта и большие сложности? Вот мы все знаем, что за этот год физически произошло огромное вливание средств в систему общего образования, в школы и учителям.

А.А. Каспржак

7% от бюджета в регионе нашем, например.

И.Д. Фрумин

Это было связано с грантами лучшим школам, лучшим учителям и т.д.

А.А. Каспржак

Мне кажется, что задача приоритетного национального проекта, о котором мы сейчас говорим, заключается в попытке создания позитивного фона, атмосферы для изменений. Достаточно важ-

но, плюс к этому, и позиционирование к этим изменениям населения, родителей и ребенка. Мы должны не обсуждать технологии введения нормативного финансирования на уровне поселка такого-то Тверской области, а с адекватным вопросом приходить к потребителю услуги. И приоритетный национальный проект в части хороших школ и хороших учителей, имеющих лучшие программы развития или лучшие образовательные технологии, он как раз решает задачу постановки правильного вопроса потребителям услуги. Потребителю все равно, есть в школе нормативное финансирование или нет, он приходит к хорошему учителю. Вот мы берем результаты проекта и говорим: вы отобрали молодых учителей, не всегда сильно категорийных, не всегда имеющих профессиональное педагогическое образование, и вообще есть еще много факторов, которые говорят о том, хороший это учитель или плохой... Или: вы отобрали школы, вы — имеется в виду потребитель — отобрали крупные школы... Тогда вопрос относительно реструктуризации звучит по-другому. Он звучит, по крайней мере, с учетом мнения потребителя и с понятным объяснением, почему нужно делать школы самостоятельными и крупными. Я ответил на вопрос?

Я.И. Кузьминов

Можно я скажу пару слов по этой проблеме? Вы знаете, вливание средств в систему образования через нацпроекты не привело к качественным изменениям в текущей мотивации школ, преподавателей и т.д. Я согласен, что это можно назвать «эффект воздействия созданием позитивного фона», т.е. если одному учителю в поселке с тремя-четырьмя школами достался грант, то другие могут счесть, что за качество или за близость к начальству — это как кто поймет — дают гранты. Для них, остальных, никаких новых стимулов не предложено, поэтому такого рода ситуация по школе, вот этот дизайн национального проекта, его первая стадия не могли ни по своим масштабам, ни по специфике своих инструментов привести к изменениям мотивации. Во-первых, он не предлагал отрицательных стимулов и даже не был ориентирован на создание отрицательных стимулов. Если ты даешь деньги школе и даешь ей свободу, то она, естественно, начинает поощрять лучших и имеет ресурсы, чтобы вымывать неудовлетворительно работающих. Чисто позитивные стимулы, действительно, могут только создавать фон, и такая выборочность, я бы сказал, демонстративность тех мер нацпроекта, который мы имеем на сегодняшний день, мне представляется, ни к каким качественным изменениям не поведут вообще. А вот что поведет к качественным изменениям — это деятельность товарища Реймана по подсоединению школ, если, конечно, министерство озаботится тем, чтобы создать контент общедоступный.

И.Д. Фрумин

Спасибо, ну, очевидно, эта тема возникнет еще не раз... Михаил Ильич Случ — директор школы № 1060 г. Москвы, школы, кото-

рую создал Анатолий Аркадьевич Пинский и которая очень активно участвовала во всех этих переменах и была в некотором смысле площадкой для опробования некоторых идей. Как бы Вы ответили на поставленные вопросы с точки зрения директора школы, Михаил Ильич?

М.И. Случ

Попробую, спасибо. Я хотел начать с такого негативного, что ли, неизменения. Как-то довольно давно мы с Пинским встречались с известным в узких московских кругах администратором Григорием Львовичем Фришем, и он сказал: «Подождите-подождите, Анатолий Аркадьевич, о содержании образования, давайте поговорим о деле». Вот я бы сказал, что такое неизменение — это содержание образования. В этом смысле с точки зрения школьного уровня, с точки зрения директора я бы сказал, что ничего особенного не произошло. Вместе с тем нельзя сказать, что уж совсем ничего не происходит. Очень серьезным образом роль вот этого отсутствующего стандарта начинает играть просто ЕГЭ. Я имею в виду то, что требуется от учеников в конце. Зачем проходить историю Средних веков, когда там нет Средних веков? Известно, что нужно сдавать в конце, и все. С этой точки зрения я хотел бы слегка коснуться той дискуссии, которая возникла по поводу мотивации и ЕГЭ. Мотивированность сильных или среднесильных школьников путем ЕГЭ — это сложный вопрос. Я представляю здесь школу, которая ни в коей мере не является элитной по набору учеников, поэтому мне трудно в отличие от коллег из 57-й школы делать какие-то, так сказать, прямые выводы. Но, насколько я понимаю, в некотором смысле эта мотивация действительно происходит. Мы видим по своей школе, мы это тоже обсуждаем. Те сильные ученики, которые у нас есть, часто школой недооценены, а ЕГЭ оценены очень высоко. И здесь возникает такой вот интересный фактор открытости и независимости. Действительно, ЕГЭ же сдается не своим учителям, не тому человеку, который тебя все время учил, с которым у тебя возник сложный комплекс отношений. А чем он либеральней — Пинский был за либеральную школу — чем либеральнее школа, тем эти отношения, естественно, сложнее. В авторитарной школе ситуация вполне выстроена, там и проблем подобных не возникает. Но если эти проблемы между учеником и учителем возникают, то, естественно, у учителя есть миллион возможностей оценку в пределах двух или полутора баллов поднять или опустить. А результаты по ЕГЭ это устраняют. И мотивированность здесь, на мой взгляд, возникает в том числе и потому, что ученик знает — вот он, тест, и просто спокойно к этому тесту, как он считает нужным, готовится. И тут вот в еще большей степени возникает тот фактор, который я, как директор, как человек с этого уровня, ощущаю, — внешкольного школьного образования. Его обсуждали в связи с экстернатом, еще его обсуждали в связи с подготовительными курсами, вот сейчас я его и на этом уровне тоже начинаю ощущать. Москва, в отличие от регионов ЕГЭ только

пробует, фактически только в этом году впервые. И последнее, что я хотел бы сказать по поводу ЕГЭ, это проблема, которая возникает на уровне уже отдельной школы в Москве, — ЕГЭ и всеобщее среднее образование. Как ЕГЭ мотивирует или может гипотетически мотивировать сильных и средних учеников — это вопрос интересный, но что делать с тем, что в школы надо принимать всех учеников и всех их пропускать через ЕГЭ, честно говоря, непонятно. Каких изменений следует ожидать в следующем году, будут ли 20% двоечников по математике или по русскому выдаваться аттестаты? Я не думаю, что это было бы правильно.

В.А. Болотов

Многие из школ говорят: а давайте хотя бы раз шоковую терапию устроим, не дадим всем двоечникам аттестаты, глядишь, остальные учиться начнут.

М.И. Случ

Ну, вот здесь же, в этом зале, несколько недель назад обсуждался вопрос всеобщего среднего образования в России, и Александр Александрович Адамский ставил вопрос интересный: если образование всеобщее, а аттестат не выдается, то оно что — всеобщее или не всеобщее? Или на 20% ниже? Ну, да Бог с ним, с этим сюжетом. Второй момент...

Я.И. Кузьминов

Нет, ну, это как раз, я прошу прощения, и есть реальное воплощение непрерывного образования. Образование идет, а аттестат не выдается.

М.И. Случ

Вот! И второй момент, который мне кажется принципиально важным, — есть и масса других — это, конечно, нормативное финансирование, поскольку Москва в этой связи от многих регионов, так сказать, отстала и столкнулась с подобной ситуацией только сейчас. Здесь, в кругу присутствующих, важно это обсудить еще и потому, что Пинский много высказывался по вопросам нормативного финансирования, по поводу того, что это реальный инструмент справедливого денежного распределения. Тут, так сказать, возразить нечего. Но я хорошо помню и еще кое-какие его высказывания здесь. Ведь кроме того, что эти деньги директор получает, по сути, никакой свободы в их распределении он не имеет, если мы говорим о материальном стимулировании педагогов. По крайней мере, на уровне Москвы — я думаю, на самом деле и на уровне регионов с введенными новыми системами — эта свобода просто нулевая. Есть ставка, есть часы, значит, все остальное — это из экономии, заболел кто-то и т.д. Реально дать больше денег тому педагогу, который хорошо работает, или дать меньше тому, который хуже работает, невозможно...

И.Д. Фрумин

Ни в одном регионе реально директор не имеет свободы. Ну, чуть-чуть по зарплате в некоторых регионах, а так — жесткая смета, казначейское исполнение, вы это знаете не хуже меня...

М.И. Случ

...Ну, я думаю, что дело же не только в зарплате. Ну, конечно, можно перекидывать какие-то микроскопические деньги туда-сюда, но, по сути, все, что связано с непрописанностью больших программ — информатизации, ремонта и т.д., — все это по-прежнему, так сказать, оставляет директора без какого-либо маневра. И если соединить эту ситуацию с тем, что маневр не увеличивается, по крайней мере в распоряжении внебюджетными средствами, которые сейчас, по сути, тоже бюджетные, то свобода у директора, которой можно было бы ожидать от введения этого, на мой взгляд, очень важного инструмента, сильно сужена. Я могу только ожидать, что в следующем году здесь что-то изменится, например, потому что сейчас в Москве идут активные обсуждения, что делать с новой оплатой труда и т.п. Я бы закончил на этом, хотя есть, конечно, и много других новаций.

И.Д. Фрумин

То есть денег у вас больше не стало?

М.И. Случ

Да дело не в том, что их больше не стало, дело в том, что...

И.Д. Фрумин

Я задаю совершенно конкретный вопрос, потому что Ярослав Иванович говорил, что всем жить стало лучше, жить стало веселее, он с этого начал. Растет средняя зарплата...

М.И. Случ

Это же вопрос математический. Ясно же, что ничего не прибыло, значит, если кому-то стало жить лучше, то кому-то стало жить хуже.

И.Д. Фрумин

Нет, прибыло, прибыло. Игорь Михайлович Реморенко скажет, что у него есть такая диаграмма, которая показывает, как увеличился, по крайней мере, федеральный бюджет на образование, и ректор Владимир Михайлович Филиппов скажет, что университеты стали больше денег получать. А вы стали больше денег получать или нет?

М.И. Случ

Нет, я бы так не сказал, что мы стали получать больше денег. Вот, например, в Москве в этом году с 1 сентября начнет действовать постановление Правительства Москвы, которое повышает в 2 раза зарплату учителей иностранного языка. Может быть, именно потому, что это проходит абсолютно мимо школьного уровня — таким вот... третьим рельсом, — возникает чувство, что такая очень интересная и важная инициатива может просто себя дискредитировать. Ну, вот как было только что сказано, один учитель из четырех школ получает грант. То же самое: одна из категорий учителей непонятно почему, независимо от того, как эти люди работают, получают в 2 раза большую зарплату, это может только дискредитировать ситуацию.

И.Д. Фрумин

Понятно. Спасибо. У нас еще будет возможность высказаться после нашего последнего записавшегося выступающего. Игорь Михайлович Реморенко представляет Департамент государственной политики в сфере образования, мне звонил Исаак Осипович Калина и сказал, что он полностью уполномочивает Игоря Михайловича выступить от имени Департамента.

И.М. Реморенко

Спасибо. Мне кажется, важная черта сегодняшнего Круглого стола — то, что мы берем определенный период и смотрим результаты за этот период. Но в то же время, я думаю, что брать год, говоря о том, что делал Анатолий Аркадьевич Пинский, не совсем правильно. Я в связи с этим опирался бы на текст, который Анатолий Аркадьевич писал 12 декабря 2005 г. Когда был готов первый формат, первый дизайн проекта по поддержке региональных комплексных проектов модернизации образования, который мы начали разрабатывать в апреле 2005 г., мы с Анатолием Аркадьевичем на Российском образовательном форуме провели первый Круглый стол на эту тему, даже не Круглый стол, а небольшой семинар. И вот с апреля по декабрь Анатолий Аркадьевич оформляет дизайн направления национального проекта, который дальше отражается в определенном формате в послании Президента и становится, собственно, направлением национального проекта образования по поддержке региональных комплексных проектов модернизации образования.

Что же было в декабре 2005 г.? Анатолий Аркадьевич писал: формулирование и реализация национального образовательного проекта, по существу, позволяет начать новый этап модернизации школьной системы России. Дело в том, что национальный образовательный проект определен в логике стимулирования — лучших школ и учителей и т.д. Именно поэтому было бы неверно рассматривать национальный проект просто как раздачу денег при фактической неизменности самой системы. Общая сущность национального проекта при интеграции ее с теми направлениями модернизации школы, которые сформировались в период 2000—2005 гг., позволяет говорить о новом этапе комплексной модернизации школы, в основе которой лежит целостный подход к стимулированию роста качества образования. Мы много обсуждали тот текст. Фактически обсуждалась следующая логика. Может быть три подхода к модернизации образования при наличии определенных ресурсов. Вот когда эти, так сказать, 7% ресурсов появились, что делать?

Первый подход — все отдать лидерам, вырастить образцы, показать на их примере наиболее, так сказать, прорывные точки. Мы, кстати говоря, смотрели по этому поводу мирбанковские исследования. Плюс этого подхода в том, что действительно ряд образовательных учреждений начинают брать на себя повышенные обязательства и неплохо двигаться. Но по-прежнему остается вопрос большой группы аутсайдеров, которые говорят: ну а чего

нам все время до лидеров тянуться, их немного, это один учитель в трех школах, и особенно они ничего не делают. И в таком смысле ущербность этого подхода видна.

Второй подход — выделить наиболее проблемные точки, то, что вообще никакими стимулами не поддержать, и начать вкладывать туда ресурсы, имея в виду вот такое латание дыр — то, что не было сделано в предыдущие годы. В национальном проекте и это нашло отражение, я имею в виду закупку автобусов, учебного оборудования, некоторые регионы компьютеры покупают, подключаются к Интернету. Я бы здесь не согласился с Ярославом Ивановичем, мне кажется, это только мера, а не кардинальное качественное изменение.., хотя много полезного произойдет. Значит, второй подход — начать поддерживать не лидеров, а аутсайдеров, латать дыры. И здесь понятны проблемы, потому что если только это делать, то тогда стимулов к развитию у лидеров не будет, ни возможностей, ни интересов идти вперед.

Есть третий подход, который фактически и конструирует Анатолий Аркадьевич Пинский, говоря про стимулирующую модернизацию. Это подход, когда при поддержке лидеров мы пытаемся расширять количество тех, кто от этих лидеров получает определенные блага, расширять количество потребителей, на которых эти самые лидеры работают. И вот о том, каким образом это делать, собственно, и была сочинена та работа по поддержке региональных комплексных проектов модернизации образования. Если взглянуть на дизайн декабря 2005 г., то в общем — я сам немножко удивился — все те направления (Анатолий Аркадьевич писал про пять направлений) — именно они и остались. Несмотря на множество изменений на правительственном уровне, этот каркас остался, он был логически строен, убедителен. Не все внутри региональных комплексных проектов может быть развернуто именно в той логике, которую предлагал Анатолий Аркадьевич — есть две вещи, на мой взгляд, которые сейчас начали очень активно развиваться и уже в некоторых регионах видны изменения, я о них скажу. Сама, так сказать, структура этих направлений работы выдержана. Ну, например, многоуровневая система бюджетного финансирования, как называл Анатолий Аркадьевич нормативно-подушевое финансирование, имея в виду три источника финансирования учреждений: по нормативам на одного учащегося, стимулирующее финансирование — это вот как раз поддержка лидеров, гранты и т.д. — и программное финансирование развития — это централизованная закупка материальной базы, подключение всех к Интернету и т.д. Вот три таких канала. Фактически это сейчас «в полный рост» реализуется.

Обновление системы оплаты труда. У Анатолия Аркадьевича здесь были следующие аксиомы: деление фонда оплаты труда на базовую и стимулирующую части и участие управляющих советов в распределении стимулирующей части. Ну, именно на это сейчас регионы и налегали, что называется, начались работы определен-

ные. Надо сказать, что в той или иной степени изменения начинают происходить. Вот у меня есть данные по Северо-Западу: нормализация наполняемости классов на селе — с 10 до 12 учащихся в среднем за прошлый год; очень небольшой процент снижения порога среднего возраста педагогов, немножко уменьшилось число пенсионеров — было 12, стало 11%; рост заработной платы — 30% в среднем. Ярослав Иванович уже отмечал, что если сравнивать со средней зарплатой по экономике, то это 60—70%, ну, в этих пределах мы удерживаемся, у нас не меньше, т.е. эта динамика не снизилась, но и не возросла.

Теперь две вещи, которые, мне кажется, Анатолий Аркадьевич отмечал, они были зафиксированы, но мы здесь недорабатываем: это изменение целей и процедур государственной аттестации, введение инструментов стимулирующей аттестации. Например, Пинский предлагал двухуровневую аттестацию школ: на первом уровне обсуждается, соответствует ли школа требованиям, а на втором уровне — насколько качественно соответствует. Была такая разработка, но она у нас как-то сейчас висит, особо этим никто не занимается. И аналогичная схема для учителей, это тоже, так сказать, подвешено. Ну и наконец, расширение общественного участия в управлении образованием. Все помнят работы Анатолия Аркадьевича про создание школьных управляющих советов и работы, связанные с публичным докладом образовательных учреждений. Они известны, многие регионы на их основе написали свои регламенты, свои нормативные акты, т.е. они эффективно используются. Но мне кажется, что в логике стимулирующей модернизации, которую еще в 2005 г. стал конструировать Анатолий Аркадьевич, где-то, так сказать, процентов на 60 изменения произошли, и это видно по цифрам, которые я называл, а процентов на 40 они у нас подвисли, но надо набраться сил и это делать.

И.Д. Фрумин

Спасибо. Мы переходим к общей дискуссии. И я с удовольствием хочу попросить выступить Владимира Михайловича Филиппова. Готовясь к этому Круглому столу, я думал, что одной из проблем развития образования, как мне кажется, является то, что эта система многоуровневая, очень комплексная и с затухающими сигналами сверху вниз. И когда министр решил взять директора школы своим советником, мне кажется, это была решительная попытка пробить, собрать уровни: действующий директор школы параллельно становится политическим советником главного руководителя системы. Это был, с моей точки зрения, очень эффективный и смелый шаг.

В.М. Филиппов

Спасибо большое. Уважаемые коллеги! Так получилось, что я не смог в те дни, когда Анатолий Аркадьевич от нас уходил, быть рядом и сказать ему, что я счастлив был работать с ним. Наличие такого советника, независимого, компетентного, прогрессивного, умеющего работать с людьми, знаете, это великое дело. Ничего

нельзя сделать в образовании — в реформе образования, модернизации, как угодно, — если нет денег и если нет таких советников.

Коротко коснусь преемственности уровней и мотивации. Когда я вернулся в Университет дружбы народов, я в обязательном порядке решением ученого совета ввел на госэкзамене тестовую компьютерную часть. Да, есть вторая часть — устная, как хотят профессора, но есть и первая часть — тестовая, ЕГЭ по каждой специальности. И если проучившись семь лет на медицинском, выпускники получают 35 двоек на госэкзамене, нельзя таких врачей выпускать. Критерий очень сильный: чтобы получить тройку, надо набрать не менее 70 баллов из 100; если набрал 69 баллов, дальнейший экзамен не проходишь, через год приходи сдавать, и т.д. На примере врача мы это понимаем, но почему экономиста я должен готовить плохого? Поэтому все проходят эту систему, и это, вообще говоря, система очень стимулирующая. Я бы поставил вопрос так: она стимулирует не только учителя, но и общество — объективно оценивать эти процессы.

Что такое социально-экономическое развитие школы? Это, наверное, все, включая даже материально-техническую базу. Как можно представить себе социально-экономическое развитие без развития материально-технической базы? Этим и объясняется то, что любимым словом Анатолия Аркадьевича было «комплексный». С 2002—2003 гг. он активно предлагал: давайте мы не разрозненные эксперименты будем вести, а попробуем весь этот комплексный подход к модернизации российского образования по отдельным регионам. Тогда не было средств, сейчас можно поздравить и Министерство образования, и всех нас, все российское образование, что эти деньги на 20 регионов нашлись, и эти процессы пошли. Игорь Михайлович очень подробно об этом рассказал, он, правда, не сказал о своей роли, но Анатолий Аркадьевич мне очень много рассказывал, как они вдвоем дискутировали и в экспертном управлении Администрации Президента, отстаивали эти позиции и комплексный подход. Очень интересны были выступления Алексея Анатольевича Каспржака и Михаила Ильича Случа, но я хочу подчеркнуть, что идея комплексности — это ключевая идея Анатолия Аркадьевича и этого проекта, которого, честно говоря, не было бы без него, он был его инициатором, и именно комплексного подхода.

Я согласен с Алексеем Анатольевичем, который говорил, что слово «проект» в данном случае, может быть, мешает. Конечно, сам Анатолий Аркадьевич на первых этапах говорил о комплексной программе — так это звучало всегда в его статьях. Но здесь сыграли роль организационно-финансовые механизмы. У нас в вузах ситуация наоборот: мы реализуем национальный проект, но он называется ИОП — инновационная образовательная программа. У меня в УДН инновационная образовательная программа одна и по медицине, и по истории, и по физмату, и по инженерному. Логичней было бы «проект», но слова «проект» в вузах нет, есть,

наоборот, «программа». Вот такой парадокс, отнестись надо к нему философски.

Второй вопрос. По-моему, Алексей Анатольевич об этом тоже говорил. Дело в том, что одна из идей Пинского состояла в том, чтобы проводить эксперименты. И мы их начинали проводить: и профильное обучение, и автобусы в школы, и компьютеризация, и Интернет, и питание, и т.д. Все это было на уровне экспериментов. Нас иногда обвиняли в том Министерстве образования, говорили: так вы по ЕГЭ не эксперимент проводите, хотя записано «эксперимент», а апробацию для внедрения. На самом деле, если честно, эксперименты можно долго-долго вести, но не внедрять. Идея как раз и была, чтобы на этих регионах отработать то, о чем сказал Алексей Анатольевич, — стыковые проблемы. Если по отдельности все отрабатывать, то на стыках может потом что-то не сработать. Сейчас идет уже апробация внедрения комплексной модернизации российского образования на 20 регионах, чтобы потом пошло это внедрение на все регионы. Конечно же, апробация не означает, что то, что задумано, один к одному будет реализовано — в этом и суть апробации, чтобы ее наполнить содержанием. Поэтому здесь я Министерство образования и науки полностью поддерживаю: это уже не эксперимент, не экспериментальная отработка даже, а это апробация, внедрение в комплексном масштабе.

Есть только, может быть, одна опасность, которая сейчас проявляется, когда, тоже вынужденно, мы идем путем реализации проектов в регионах. Несколько раз я был на августовских чтениях в Новгородской области. Прусак с Аверкиным тогда там реализовывали комплексные подходы к модернизации образования. Коллеги, может быть, помнят, как они собирали всех глав администраций и каждый глава администрации отчитывался на этом огромном общем собрании в присутствии директоров школ области о том, на каком месте данный район находится по питанию, по поступлению в вузы, по оценкам, по баллам ЕГЭ по такому-то предмету. Это уже пройдено в Новгородской области, сейчас мы вынуждены точно так же оценивать разные направления в комплексной программе модернизации регионов по показателям. Но на самом деле наступает другой этап, в который вошла давно уже Новгородская область, — это содержательная качественная оценка реализации национальных проектов. Нужны не только количественные отчеты, но и содержательные. Вот мы только что обсуждали, почему Кузьминов упомянул всуе Реймана, — потому что в программе комплексной модернизации уже подсоединился и Рейман, который запрашивает сейчас данные по компьютерам, по Интернету и т.п. А речь-то должна идти о содержательном наполнении, повышении квалификации учителей...

Я бы подчеркнул еще одну сторону идей Анатолия Аркадьевича Пинского на примере идеи ЕГЭ. Несмотря на то что он был сторонник этой идеи, он всегда старался ее развивать. На самом деле, вы знаете, что не только технологии ЕГЭ надо развивать, но и содержа-

тельные стороны понятия доступности образования. Ведь ЕГЭ — это механизм доступности, за ним стоит очень и очень многое. Иногда мы можем ЕГЭ воспринимать просто как формальные сигналы. Вот Виктор Александрович Болотов правильно критикует — мы тоже это все время говорили, но никуда от этого не уйти — рейтинг школ по итогам ЕГЭ. Если есть какой-то измеритель, то им все равно будут школы измерять. Неважно кто — управление образования, родители и т.д. Все равно будут знать в этом городе, как сдают ЕГЭ по биологии, или по математике, или по истории. Но чтобы здесь не довести до глупости... Вот есть такое слово «спидометр», а в Госнарконтроле говорят «спидомётр», они измеряют ситуацию по СПИДу... Вот нельзя и здесь показатели сводить к тому, чтобы спидометр стал спидомётром, — понимаете? Поэтому на самом деле — Игорь Михайлович говорил, что помимо первого этапа, количественного анализа, нужен еще и качественный анализ, — нужно, самое главное, сейчас постараться нам выработать механизмы этого качественного анализа, содержательной реализации прекрасной идеи национальных проектов в регионах. Спасибо.

И.Д. Фрумин

Спасибо большое, Владимир Михайлович. И я бы подчеркнул то, что сказал Игорь Михайлович, это прозвучало в ряде выступлений: возникает все-таки опасность формализации. Я бы это обозначил как тенденцию формализации, конечно, прежде всего в показателях. Это очень пугает относительно такой сферы, как образование. Борис Львович, пожалуйста.

Б.Л. Рудник

Мы говорим об изменениях, которые произошли в последнее время. Вот шел разговор о том, что увеличилось финансирование образования. Но я бы хотел обратить внимание на другой вопрос, который сейчас, мне кажется, становится очень серьезной проблемой. Вы знаете, в последние годы, буквально в последние полтора года, с моей точки зрения, произошел очень крупный пробой в системе финансирования образования. Федерация сегодня реально тратит очень большие деньги на школьное образование. Почему я говорю о пробое? Потому что у нас оказались пробитыми — ну, в кавычках — законы, которые относятся к нескольким отраслям права. Это бюджетное законодательство, образовательное и законодательство, которое разграничивает полномочия между субъектами РФ. Естественно, говоря о пробое, я имею в виду то, что и формы, которые приобретает это финансирование, — сегодня Ярослав Иванович об этом говорил, по-моему, Владимир Михайлович говорил — далеко не всегда оптимальны. И вот что касается тенденций. Ну, я посмотрел, естественно, куда? В наш перспективный финансовый план, проект финансового плана федерального бюджета на три года. Сворачиваются национальные проекты, скоро не будут финансироваться программы вузов. Минфин пока еще — он зачищает этот пробой — оставил деньги на доплаты

учителям за классное руководство. Что я хочу сказать? В свое время мы с Анатолием Аркадьевичем вместе с Владимиром Михайловичем работали над законопроектом о стандартах школьного образования, и там была у нас глава о финансировании. В общем-то, речь там как раз шла о том, чтобы создать действительно многоуровневую систему финансирования школьного образования с участием всех уровней бюджетной системы. Это, так сказать, не пошло, федерация все дальше и дальше стала оттуда удаляться. Но тем не менее мы к этому возвратились, как я говорю, в форме пробоя. Понятно, что эту проблему надо решать. Анатолий Аркадьевич в свое время пытался ее решать через законопроекты, а потом мы думали, как это методически обеспечить. Как вы помните, в стандарте есть материально-технические условия его реализации. Насколько я знаю, к этому сейчас опять возвращаются. Вот и получается — то, что Пинский наработал, сейчас внедряется. Он поставил вопрос, который развития тогда не получил, но тем не менее мы к нему возвращаемся, т.е. и это работает. Проблема пробоя, она есть, и нам придется ее решать и строить систему финансирования школы с участием всех трех уровней бюджетной системы. Спасибо.

И.Д. Фрумин

То есть Вы полагаете, что перспектива все-таки состоит в том, что федеральный уровень полностью отойдет от поддержки школьного уровня образования?

Б.Л. Рудник

Я не знаю, что будет дальше, идет свертывание. Мне, кстати, непонятно, почему свертывание идет по вузам. Хорошая же система отработана — финансирование развития. И по школам то же самое... Вы понимаете, какая проблема возникает? Когда это все в форме пробоя, когда это все не в соответствии с законом, причем ни с одним законом, то очень трудно выбрать оптимальные и эффективные формы финансирования. Вот мы начинаем думать: а почему финансируется классное руководство, что это — самое главное? А например, в здравоохранении финансируется прямо зарплата. Почему? В самом скором времени нам придется эти вопросы решать.

И.Д. Фрумин

Спасибо. Но все-таки... просто это очень важное замечание. Поскольку ресурсы являются кровью любой социальной системы, я бы обратил внимание на это. На первый взгляд возникает ощущение: да, пришли очень значительные деньги в систему из федерального уровня, 7% бюджета, например, в Тверской области. Но если сопоставить замечание Ярослава Ивановича о доле учителей, скажем, в маленьком городе, получивших гранты, и замечание директора школы о том, что он не заметил увеличения финансирования в течение года, то можно понять, что такое подкладывание денег в виде пробоя, как вы говорите, — оно системного влияния, по-видимому, не оказывает. Приходится с этим выводом мириться.

Пожалуйста, уважаемые коллеги, по итогам учебного года. Елена Анатольевна Ленская, руководитель образовательных программ Британского совета.

Е.А. Ленская

Это реакция на последнее замечание. Было такое двестише у Андрея Вознесенского, про то, «что было нечего надеть, стало некуда ходить». Вот это очень напоминает историю с национальными проектами. Были замечательные идеи, под которые не хватало денег, потом решили эти деньги раздать просто так, за что-то, а не на что-то. В связи с этим всегда итоги подводить очень трудно, потому что когда деньги даются на что-то и это сделано, можно подвести итоги и сказать — дальше можно не давать или нужно давать, потому что еще есть такая-то и такая-то нужда. А когда они выдаются просто так за что-то... Вот, наверное, в этом главная ошибка эксперимента и заключалась.

На то, о чем сказал раньше Михаил Ильич, мне тоже хотелось прореагировать — на сюжет, связанный с учителями иностранного языка, которые в городе Москве вдруг дополнительную оплату получают, что не соотнобразуется ни с какими законами от образования. Это тоже удивительная акция, которая, по-моему, может иметь только негативные последствия. При всем том, что я сама учитель иностранного языка в прошлом и нежно люблю эту категорию людей и считаю, что они делают большое дело, но, а остальные учителя у нас что — не делают никакого важного дела? Для меня удивительно, что эта акция происходит, она противозаконна, и как-то вот это вот все проходит мимо внимания педагогической общественности — явное нарушение принципа справедливости.

В.М. Филиппов

Маленькая ремарка. Уважаемые коллеги, сейчас нужны идеи, потому что, правильно Борис Львович сказал о финансировании на последующие три года. Дело в том, что действительно никакой проект не может финансироваться бесконечно долго, он имеет цель реализации и сроки, и 31 декабря 2008 г. все нацпроекты по вузам закрываются. По высшим учебным заведениям — здесь проявил активность Ярослав Иванович Кузьминов, Высшая школа экономики — выдвинули идею, которую надо было уложить в трехлетний бюджет (то, что делали немножко в другой форме по школам). Это поддержка научно-педагогических кадров высших учебных заведений. И будет три года финансироваться, заложено это в бюджет. Сейчас для финансирования бюджета субъектов федерации, т.е. школ, надо продумывать срочно предложения, потому что в том виде, как есть, проект, конечно, не может продолжать финансироваться. Сейчас есть понимание целесообразности и необходимости финансирования, но от нас, от образовательного сообщества, нужны предложения. Мы должны опережающим образом проработать и предложить какую-то еще идею для поддержки из федерального уровня общего среднего образования.

И.Д. Фрумин

Спасибо. Татьяна Всеволодовна, пожалуйста.

Т.В. Абанкина

Уважаемые коллеги, мне просто хотелось поделиться впечатлениями. У меня, кажется, сложилось другое впечатление о тех изменениях, которые уже заметны в регионах в результате реализации национального проекта. Я имею в виду сейчас даже не конкурс регионов, а поддержку лучших школ и лучших учителей. Сейчас я работаю в группе экспертов, которые занимаются регионами, 10 регионов мы уже объехали. При подготовке этого проекта тоже в большом количестве регионов работали. Поэтому, скажем так, 20—25 регионов можем сравнивать. В тех регионах, в которых мы были, везде очень заметны, системно заметны результаты национального проекта. Во-первых, практически во всех регионах — кстати, очень немного было конфликтов — это была публичная процедура, выбор школ и выбор лучших учителей. И это сказалось. Более того, очень сильно простимулирован инновационный потенциал школ. Сегодня школы, предлагающие инновации, стремятся стать лучшими, хотят быть лучшими. Миллион — очень значительная сумма, но дело не только в миллионе, а дело в том, что становится престижно быть лучшими. Эти школы — их называют школами-миллионерами или миллионщиками, по-разному называют — во многих регионах уже объединяются в ассоциации. И на базе этих школ планируется проводить открытый методический обмен опытом, открыть эти лучшие школы для педагогических инноваций. По целому ряду направлений именно эта совокупность школ становится инновационной базой преобразований. Именно в них сейчас и новые системы оплаты труда — довольно сложные и спорные, с распределением стимулирующей части с участием общественных советов — отрабатываются, и новые модели сетевого взаимодействия школ, и в общем развитие сети общеобразовательных учреждений. Поэтому мне кажется, что в школьном образовании национальный проект имел характер не просто раздачи денег — вот эта поддержка лучших, она получилась. Более того, мне кажется, эта публичная поддержка лучших сегодня сказывается на мотивации и даже не столько в деньгах, сколько, повторю, сегодня становится общественно-престижным, что ли, оказаться в этой когорте лучших школ и лучших учителей. Да, маловата доля, но она заметна. Таких школ всегда несколько, а учителей даже десятки и сотни в каждом населенном пункте, и они, в общем, все видны. Это не один кто-то, про которого я не знаю и которого отметили по близости к начальству. В тех регионах и муниципалитетах, где мы были, слава богу, как-то хватило сил организовать это по-другому. И мне кажется, это принципиально новый шаг, который, я считаю, получился. Вот это мое мнение из опыта работы с регионами.

И.Д. Фрумин

Спасибо. Приятно Игорю Михайловичу услышать доброе слово в адрес национального проекта. Уважаемые коллеги, время нашего Круглого стола подходит к концу. Мне кажется, что в целом

дискуссия показывает недостаток ретроспективного взгляда и необходимость такого рода обсуждений, а также нехватку качественного анализа. Мы, кстати, перед этим Круглым столом слушали доклад о ЕГЭ и поразились объему информации и слабости анализа, ну, не то что слабости, а явной недостаточности качественного анализа того, что происходит. И мне кажется, Игорь Михайлович, что ваше замечание по поводу одного года, оно, конечно, правильно, потому что система образования, как все говорят, она консервативна, она медленно меняется. Но у людей одна жизнь, дети учатся в школе всего 11 лет и один раз. И хорошо бы, чтобы каждый год мы могли бы что-то сказать о том, что изменилось. В свое время Симон Львович Соловейчик собрал группу директоров школ, и мы там были с Анатолием Аркадьевичем тоже. Тогда создавалась газета «1 сентября», время было голодное, и Симон Львович говорит: «Даю бутылку коньяка хорошего тому из вас — вот вы все такие инновационные, все говорите, что надо учителям много учиться, — кто скажет, какой шаг нужно сделать, чтобы за один день школа стала хоть чуть-чуть лучше». И мы, значит, думали-думали и даже некоторые из нас, я например, были возмущены таким подходом, потому что надо учиться, новые технологии внедрять... А один среди нас не был директором школы, случайный человек, просто умный родитель. Он говорит: «У меня есть одно предложение. Пусть детей отпускают в туалет с урока сразу, когда они попросятся, не требуя объяснений и не выдерживая». Вот этот человек и получил бутылку коньяка...